

Место силы

Михаил Трофименков о старейшей кинокомпании страны

«МАРСОВО ПОЛЕ, Летний сад, набережные (...) Стало очень страшно. И в первый раз пришла в голову мысль, что решается моя судьба. Медленно подошла к реке. Сверкающая на солнце Нева. Длинный-длинный мост. Я никогда не думала, что он такой бесконечный (...) Вот и кинофабрика. Поднимаюсь по лестнице, навстречу мне, пущенный словно из пращи, летит бульдог. Пронесся мимо. Исчез. Кажется, хорошая примета — собака навстречу. Однако, откуда же тут собака? Ах, да! Это Фука, любимец директора фабрики, который живет на верхнем этаже. Каждое утро Фука, зажав в зубах монетку, несется за газетой...»

Это было совсем недавно, в 1929 году. Пробоваться на свою первую роль в «Новом Вавилоне» Григория Козинцева и Леонида Трауберга шла Елена Кузьмина, 19-летняя ученица Фабрики эксцентрического актера (ФЭКС), будущая звезда и жена Бориса Барнета, а затем Михаила Ромма.

«— Наташка, иди к телефону. С «Ленфильма» опять звонят.

Что? Мне, с «Ленфильма»? Я хватаю трубку и несколько секунд стою, прикрывая ее рукой. Сердце так громко бьется.

— Это говорит ассистент режиссера Бориса Фрумина. Вы можете прийти завтра? Он хочет взглянуть на вас для роли в его новом фильме.

Могли ли я прийти? Да вы с ума сошли! И почему завтра? Сейчас!

— Вы меня помните...

Олег Даль пробежал, улыбнулся. А в фильме у Бориса будет сниматься Елена Соловой — любимица Никиты Михалкова. Проходим большую залу, увешанную фотографиями, но я никого не узнаю. Татьяна говорит: «Это те, кого зритель не видит».

Борис хлопывает меня по плечу. Я снимаю плащ, и он недоверчиво смотрит.

— Слушай, а что, вам разрешают в таких коротких?

Это он о школьном платье. Я уже в прошлом году из него выросла. Но киваю головой на его вопрос.

Это было так давно, в 1974-м. Пробоваться на роль в фильме Бориса Фрумина «Дневник директора школы» шла 15-летняя Наташа Медведева, больше в кино не снимавшаяся, зато прославившаяся как писатель и певица.

За 45 лет, прошедшие между дебютами Кузьминой и Медведевой, название ленинградской киностудии менялось не раз и

не два. «Петроградский кинокомитет при Наркомпросе», «Киносев», «Севзапкино», «Ленинградкино», «Совкино», «Росфильм», «Союзфильм», наконец «Ленфильм». Менялись имена, но оставалось неизменным нечто магическое, витавшее в стенах студии. Это утверждение просто списать на склонность Петербурга-Петрограда-Ленинграда к патетической, часто спекулятивной метафизике, но метафизика города, помноженная на метафизику кино, — это, знаете ли, как раз та самая идея, которая способна стать, по Марксу, материальной силой. «Ленфильм» и был своего рода национальной идеей Ленинграда, его местом силы.

Да и не только Ленинграда, но и всего советского кино. Именно «Ленфильм» породил в лице ФЭКСов, сплетших в сообществе с Юрием Тыняновым снежный морок одновременно революционного и петербургского мифов («С.В.Д.», 1927), эталон киноавангарда. Именно «Ленфильм» породил эталон соцреализма («Встречный», 1931), которым стали бить по голове авангардистов. И эталон оттепельного кино, и кино застойного, и перестроечного. Именно «Ленфильм» успел «присвоить» и запустить, как ракету, в будущее единственного постсоветского гения Алексея Балабанова.

Не только в современной России, но и в мире — нигде и никогда — невозможно представить себе студию, на которой существует художественный совет, состоящий из людей, пользующихся репутацией главных моральных и творческих авторитетов. А в художественный совет «Ленфильма» в 1960-х входили Ольга Берггольц, Александр Володин, Вера Панова, Михаил Дудин, директор Эрмитажной библиотеки, историк Возрождения, отсидевший по «ленинградскому делу», Матвей Гуковский. Недаром слова «ленинградская школа» произносились с той же интонацией, что «польская школа» или «новая волна», — так, словно речь шла о кинематографе не отдельно взятой студии, а целой страны.

Если выбирать эпизод из фильма, достойный стать визитной карточкой «Ленфильма», то это, конечно, эпизод из безжалостно забытого шедевра Виктора Соколова «Друзья и годы» (1965). Май 1945 года. Австрийский городок. Пианино, вытасченное на улицу. Солдаты, устроившиеся — как в Рыцарском зале Эрмитажа — среди средневековых доспехов, обрамляющих вход в местный, что ли, музей. И Олег Анофриев в капитанских погонах за пианино: «На вечернем сеансе // В неболь-